# ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ

# ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАГО

## СТРОЯ КРЕСТЬЯНЪ

по Положеніямъ 19-го февраля и позднѣйшимъ узаконеніямъ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Томскаго Университета, 22 октября 1902 года,

Проф. И. А. Базановымъ.

ТОМСКЪ
Паровая типо-литографія И. И. Макушина. Благовѣщ. пер., соб. д.
1902

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Томскаго Университета.
Ректоръ Университета. *Проф. А. Судаковъ.*

Глубокоуважаемое собраніе!

Текущій годъ будетъ отмѣченъ въ исторіи нашей общественной жизни правительственными мѣрами, открывающими третій серьезный приступъ къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Я разумѣю Высочайшіе рескрипты: на имя Министра Вн. Дѣлъ о ревизіи крестьянскихъ положеній и на имя Министра Финансовъ о выясненіи пользъ и нуждъ нашей сельскохозяйственной промышленности.

Третій серьезный приступъ къ пересмотру законодательства, всего лишь 40 лѣтъ дѣйствующаго и развивавшагося путемъ ряда новеллъ, обширной сенатской практики и многочисленныхъ министерскихъ циркуляровъ, свидѣтельствуетъ, что крестьянскому вопросу было дано съ самаго начала не совсѣмъ вѣрное рѣшеніе, которое, послѣ многихъ частичныхъ измѣненій, приноситъ лишь все болѣе неутѣшительные практическіе результаты.

Почтённый высокимъ довѣріемъ Совѣта Томскаго Университета, поручившаго мнѣ занять ваше вниманіе въ день годичнаго университетскаго праздника сужденіемъ по научному вопросу, я, не задумываясь, остановился на злободневномъ вопросѣ о правовомъ положеніи нашихъ крестьянъ.

Что представляетъ собою въ основныхъ чертахъ гражданско-правовой строй нашихъ крестьянъ? Какъ онъ развивался въ теченіе 40 лѣтъ по освобожденіи послѣднихъ? Каковы его существенные недостатки, влекущіе на ряду съ другими факторами разстройство крестьянскаго благополучія? Каковы, наконецъ, могутъ быть мѣры его усовершенствованія?

Гражданско-правовой строй коренной массы нашего населенія—крестьянъ—былъ намѣченъ въ общихъ чертахъ Положеніями 19 февраля 61 г. для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и вскорѣ постепенно распространенъ съ незначительными измѣненіями на всѣ прочія категоріи крестьянъ. Обнимая постепенно всю крестьянскую массу, этотъ строй не оставался неизмѣннымъ по содержанію. Напротивъ, мы наблюдаемъ въ его судьбахъ двѣ рѣзко очерченныхъ эпохи. Въ первую эпоху, обнимающую время приблизительно съ 61—85 г., Положенія 19 февр. развиваются административной и судебной практикой въ ихъ основномъ освободительномъ духѣ, и крестьянство постепенно сближается по формамъ гражданскаго быта съ прочими классами населенія. Во вторую эпоху, обнимающую время съ 1885 г. и до нашихъ дней, напротивъ, наблюдается отступленіе отъ освободительнаго духа крестьянскихъ Положеній. Отчасти административная и судебная практика, а больше всего новеллы 90-хъ г.г., порывая съ освободительной идеей крестьянскихъ Положеній, начинаютъ вносить въ обновленный гражданско-правовой строй крестьянъ принципы стараго дореформеннаго строя, плохо согласуемые какъ съ современными общими культурными условіями, такъ и съ крестьянскими Положеніями. Въ результатѣ чего, къ настоящему времени основы гражданскаго строя крестьянъ начинаютъ представлять собою картину смѣшенія разнородныхъ правовыхъ понятій.

# I.

Первая основная и вмѣстѣ отличительная черта гражданско-правоваго строя крестьянъ заключается въ самомъ характерѣ ихъ объективнаго права. Въ то время какъ другіе классы населенія живутъ по писанному праву,—по закону, крестьянамъ предоставлено руководствоваться и своими неписанными обычаями.

При выработкѣ Положеній о крестьянахъ 61 г. вопросъ о томъ, что должно регулировать крестьянскую жизнь: законъ или обычай, былъ весьма спорнымъ и въ губернскихъ и въ редакціонныхъ комитетахъ [1]).

Одни члены настаивали на необходимости подчиненія освобождаемыхъ крестьянъ общему закону, и доказывали это цѣлымъ рядомъ вѣскихъ аргументовъ, позднѣе оправдавшихся въ жизни. Въ пользу подчиненія освобождаемыхъ крестьянъ закону говорила уже самая цѣль крестьянской реформы, заключавшаяся въ сліяніи освобождаемыхъ крестьянъ съ прочими классами населенія въ формахъ гражданскаго быта. Обычай, который чаще всего бываетъ различенъ даже въ сосѣднихъ деревняхъ, не годился для этого.

Далѣе, писанный законъ вслѣдствіе своей точной формулировки больше обезпечиваетъ законность, чѣмъ неписанный и неопредѣленный обычай. Особенно же боялись того, что при дѣйствіи негласныхъ мѣстныхъ обычаевъ крестьянамъ будетъ предоставленъ фактически выборъ—руководиться обычаемъ или закономъ, по ихъ личному произволу; а это создавало уже почву для неустойчиваго порядка.

---

[1]) Семеновъ, Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Спб. 1889—92 г. I стр. 345, 389, 392, II стр. 490, III 2 ч. стр. 223, 192—3, 254, 299, 219 и др. Скребицкій, Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Боннъ на Рейнѣ. 1862. I. стр. 17—21, 14—15, 25, 26, 43—45, 541, 569.

Наконецъ, указывали и на то, что обычаи при крѣпостномъ правѣ не вездѣ встрѣчаются и не для всѣхъ отношеній выработаны.

Этимъ соображеніямъ сторонниковъ закона приверженцы обычая противопоставляли главнымъ образомъ теоретическія соображенія, отзывавшіяся романтизмомъ господствовавшей въ то время исторической школы и славянофильства. Именно они заявляли, что обычай крестьянъ представляетъ собою чистое русское правосознаніе, не искалѣченное сверху чуждыми русскому духу и своевольными измышленіями бюрократіи. Вскрытый крестьянскій обычай, думали они, прольетъ свѣтъ законодателю на истинно-русскій народный духъ и правосознаніе и поможетъ ему исправить въ этомъ духѣ общій гражданскій строй прочихъ классовъ населенія. Этотъ основной доводъ они дополняли и другими, поздѣе также не оправдавшимися, напр. что крестьяне привыкли къ своимъ обычаямъ и знаютъ ихъ, тогда какъ общій законъ имъ неизвѣстенъ, непонятенъ, вообще чуждъ, что не слѣдуетъ подчинить новорожденное сословіе тщательной законодательной регламентаціи, въ интересѣ свободы его развитія; что до изданія сельскаго устава, который будетъ сводкой обычнаго права, приведеннаго въ извѣстность, слѣдуетъ ограничиться установленіемъ лишь самыхъ общихъ нормъ, какими и должны быть Положенія о крестьянахъ.

Въ виду такихъ разногласій редакціонныя комиссіи приняли въ концѣ концовъ по данному вопросу среднее направленіе. Онѣ рѣшились принять за норму гражданско-правоваго строя крестьянъ общіе гражданскіе законы, и считали это настолько само собою разумѣющимся, что рѣшили вычеркнуть изъ первоначальнаго проекта Положеній о крестьянахъ обильныя ссылки на общіе законы, проставленныя тамъ въ первый періодъ работъ подъ каждой статьею проекта, имѣющей отношеніе къ гражданскому праву[1]).

Въ отдѣльныхъ же случаяхъ рѣшались допустить дѣйствіе обычая. Полно и опредѣленно дѣйствіе обычая допускали въ правѣ наслѣдованія и опеки. Смутно и сбивчиво говорили, при случаѣ, о допущеніи обычая въ семейственномъ правѣ, им. въ

[1]) См. Семеновъ I т. стр 380, 387, 390, 422, 506, 518, 527 и слѣд.

вопросѣ о главѣ семейства и раздѣлахъ имущества. Молчаливо подразумѣвали дѣйствіе обычая въ примѣненіи къ порядку землепользованія. И уже совершенно неясно проводили соотношеніе обычая и закона въ примѣненіи къ гражданскимъ сдѣлкамъ. Въ концѣ концовъ получилась путаница въ соотношеніи обычая и закона, которую можно объяснить только тѣмъ, что полные добрыхъ желаній, составители Крестьянскихъ Положеній не имѣли рѣшительно никакого понятія о юридической техникѣ. Этотъ недостатокъ проекта не былъ исправленъ и въ дальнѣйшихъ стадіяхъ обсужденія. Онъ всецѣло былъ санкціонированъ и Положеніями о крестьянахъ.

«Крестьяне уравниваются въ правахъ со свободными сельскими обывателями (О. Пол. ст. 2) и подчиняются, какъ таковые, общимъ законамъ (О. Пол. ст. 21, 22, 23, 24, 29, 33); но въ наслѣдованіи и опекѣ руководятся своими мѣстными обычаями (О. Пол. ст. 38; cod. 21 прим. 1)». Вопросы о главѣ семейства, раздѣлахъ семейныхъ, порядкѣ землепользованія и гражданскихъ сдѣлкахъ открыто не подчинены обычаю, но поставлены Положеніями иначе, чѣмъ общимъ гражданскимъ закономъ (О. Пол. ст. 188 п. 2 и 3; ст. 51 п. 5; ст. 51 п. 6 и др.; ст. 107).

Такимъ образомъ, граница, разводящая примѣненіе закона и обычая, намѣчалась Положеніями неясно. Но она была уже вовсе запутана однимъ предписаніемъ процессуальнаго характера (О. пол. ст. 107), им. волостному суду, вѣдающему спеціально споры между крестьянами, было предоставлено руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ, при недостаткѣ точныхъ данныхъ о волѣ сторонъ, заключившихъ сдѣлку, «мѣстными обычаями и правилами, принятыми въ крестьянскомъ быту». О законѣ тутъ уже не говорится вовсе. Статья относится собственно къ имущественнымъ сдѣлкамъ, но изъ мотивовъ къ ней мы узнаемъ, что она предназначена служить общимъ началомъ, смыслъ котораго такой: пока крестьяне живутъ патріархальной жизнью и не выходятъ изъ тѣснаго круга чисто крестьянскаго оборота, они во всѣхъ отношеніяхъ могутъ руководиться всецѣло своими обычаями и судятся волостнымъ судомъ по мѣстнымъ обычаямъ. И дѣйствительно, компетенція волостнаго суда была очерчена такими общими признаками, что всѣ стороны обыденной крестьянской жизни во внутреннихъ крестьянскихъ отношеніяхъ под-

чинялись обычаю [1]). Законъ же вступалъ въ силу тамъ, гдѣ крестьянинъ, не довольствуясь тѣснымъ міромъ крестьянскаго оборота, выступалъ въ общегражданскій оборотъ.

Въ результатѣ такихъ предписаній крестьянскихъ Положеній получилось слѣдующее. Прежде всего, начало разграниченія дѣйствія обычая и закона оказалось и теоретически неправильнымъ и практически неудобнымъ. Обыкновенно теорія разграничиваетъ дѣйствіе общаго и спеціальнаго или общаго и мѣстнаго права такимъ образомъ, что одно изъ нихъ исключаетъ дѣйствіе другаго, такъ какъ нельзя одно и тоже отношеніе одновременно подчинять двумъ различнымъ правамъ. Между тѣмъ по Положеніямъ о крестьянахъ только въ дѣлахъ о наслѣдованіи и опекѣ обычное право крестьянъ исключаетъ писанное право всегда и вездѣ, независимо отъ суда, разсматривающаго дѣло [2]). Что же касается прочихъ отношеній, то они регулируются или обычаемъ или закономъ, въ зависимости отъ того, какой судъ ихъ разсматриваетъ: волостной или общій. А по началамъ процессуальнаго права, судъ общій разсматриваетъ и дѣла, ввѣренныя волостному суду [3]), если только стороны обратятся въ общій судъ, вмѣсто волостного. Тѣмъ болѣе общій судъ разсматриваетъ иски, оцѣненные стороною выше той суммы, которая служитъ предѣльной для компетенціи волостнаго суда (300 р.). Такимъ образомъ на практикѣ въ результатѣ принципа разведенія закона и обычая, усвоеннаго крестьянскими Положеніями, получилась какъ разъ та неустойчивость правопорядка, то произвольное уклоненіе отъ права, котораго такъ боялись сами редакціонныя комиссіи, но котораго они не могли избѣжать, такъ какъ не обладали достаточнымъ юридическимъ тактомъ.

Далѣе. Обычаевъ, дѣйствительно, у крестьянъ вовсе не оказалось для цѣлаго ряда отношеній. Напр. опека, которая была

---

[1]) Рѣш. 1 Деп. Сената 3 янв. 71 № 73 (Сборникъ Данилова и Виноградова): Дѣло о водвореніи жены къ мужу, насколько оно касается хозяйственнаго быта крестьянъ, подсудно волостному суду.—Начало ст. 107 Об. Пол. повторяется и Врем. Прав о вол. судѣ 1889 г. ст. 25.

[2]) Такъ понимаетъ Положенія и Сенатъ въ Касс. Рѣш. 75 № 839: „Разрѣшеніе спора между крестьянами (общимъ судомъ) на основаніи обычая, не вытекающаго ни изъ опеки или попечительства, ни изъ порядка наслѣдованія, а изъ факта полученія наслѣдства, составляетъ поводъ къ кассаціи по нарушенію 9 ст. У. Гр. С.

[3]) Касс. рѣш. 73 № 1673 также: Крестьяне, на основаніи Общ. Пол. могутъ разбираться во всѣхъ спорахъ между собою судебнымъ порядкомъ, почему иски о наслѣдованіи не изъяты изъ вѣдомства общихъ суедбныхъ мѣстъ.

предоставлена обычаю, оказалась безъ обычая, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ ею завѣдывалъ помѣщикъ, примѣнявшій тутъ свое собственное усмотрѣніе [1]). Въ этихъ случаяхъ мѣсто обычнаго права заступилъ полицейскій произволъ. Таже самая опека надъ малолѣтними превратилась на дѣлѣ въ обираніе малолѣтнихъ. Общество само отбирало у малолѣтнихъ надѣлъ, пользуясь ихъ беззащитностью, и потворствовало обиранію малолѣтнихъ опекунами [2]).

Тѣ обычаи, которые были у крестьянъ при старомъ, крѣпостномъ строѣ, становились непригодными для новой свободной общегражданской жизни. Они перестали внушать крестьянамъ силу юридическихъ правилъ. Новые же обычаи, при усложненіи и развитіи новыхъ формъ жизни, нестроѣ внѣшнихъ вліяній на крестьянскій патріархальный строй, не успѣвали складываться, не имѣя благопріятной среды для образованія [3]). Отсюда—новое поле царству произвола вмѣсто права: по произволу міръ дѣлитъ семейное имущество между членами семьи, по произволу волостной судъ разбираетъ всѣ рѣшительно тяжбы, включая и наслѣдованіе, ввѣренныя его вѣдомству [4]). Это уже подтачиваетъ въ народѣ уваженіе къ праву и ослабляетъ чувство законности.

Укажемъ и на то, что крестьянскіе обычаи неизвѣстны. Ихъ не знаютъ даже крестьянскія учрежденія, а тѣмъ болѣе общіе суды. А наши судебные уставы относятся къ нимъ какъ къ факту, а не праву, требуя отъ сторонъ не только ссылки, но и доказательства обычая (У. Гр. С. ст. 130).

Между тѣмъ, въ жертву обычаю было принесено такое великое культурное благо, какъ объединеніе крестьянской массы въ гражданско-правовомъ строѣ съ прочей массой населенія. Мы, дѣйствительно, нигдѣ больше не встрѣтимъ того страннаго явленія, что численно превосходящая масса населенія живетъ не по общему, а по спеціальному праву, притомъ разномѣстному.

---

[1]) См. Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. СПБ. 1897 г. т. II Заключенія Ковенскаго, Курскаго, Могилевскаго, Тверскаго и друг. губер. совѣщаній.

[2]) Р. 1 Деп. С. 13 окт. 77 № 7734 (въ сборникѣ Данилова и Виноградова стр. 54) и 30 мар. 78 № 2950 (eod. стр. 392) См. также Сводъ заключеній губ. совѣщ. стр. 283 и слѣд.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи. СПБ. 1879, разработавшій рѣшенія волостныя судовъ, собранныя особой комиссіей еще въ 1873 г. На нашихъ глазахъ къ тому же выводу пришелъ Бржескій, Очерки юрид. быта крестьянъ. СПБ. 1902 г. стр. 68 и слѣд. См. также Никольскій, въ Новомъ Времени №№ 9326—9357.

[4]) Бржескій, стр. 68, 155 и друг.

Послѣ всего сказаннаго, неудивительно, что за 40 лѣтъ по освобожденіи крестьянъ отношеніе къ обычному праву измѣнилось. Восторженное преклоненіе передъ обычаемъ постепенно уступаетъ мѣсто скептицизму и разочарованію.

Прежде всего самъ законодатель довольно скоро по изданіи Положеній сталъ ограничивать дѣйствіе обычнаго права точными законодательными предписаніями тамъ, гдѣ Положенія открыто или молчаливо предоставляли все обычаю. Такъ, 1 февр. 1877 г. [1]) издается законъ о порядкѣ отчужденія имущества опекаемыхъ малолѣтнихъ, который въ видѣ общаго начала предписываетъ держаться условій, указанныхъ общими гражданскими законами (X, 1 изд. 57 г. стт. 277 и 281). Кстати—устанавливается уже система инстанцій надъ сельскимъ сходомъ, прежде автономнымъ, им. уѣздное присутствіе одобряетъ, а губ. присутствіе утверждаетъ приговоръ объ отчужденіи имущества малолѣтняго [2]). Этотъ порядокъ подтверждается и Положеніемъ о земскихъ начальникахъ 12 іюля 89 г. А Выс. утв. мнѣніе Гос. Сов. 23 ноября 92 г. [3]) ввѣряетъ опеку надъ крестьянами, приписанными къ волости, но живущими въ городахъ, не крестьянскимъ учрежденіямъ, а сиротскимъ судамъ.

О семейныхъ раздѣлахъ, которые по Положеніямъ 61 г. молчаливо предоставлялись регламентаціи обычая, издается законъ 18 марта 86 года.

О порядкѣ землепользованія, тоже молчаливо предоставленномъ Положеніями регламентаціи обычая, издается 8 іюня 93 г. законъ.

Администрація въ свою очередь, поставленная въ затрудненіе неизвѣстностью обычнаго права, пытается намѣтить какія нибудь рамки для нормированія отношеній, предоставленныхъ обычаю, или даже фиксировать обычай въ формѣ административныхъ распоряженій, лишая его тѣмъ самымъ существенныхъ свойствъ. Таковъ циркуляръ Мин. Вн. Дѣлъ 7 сентября 78 г.

---

[1]) Второе полное собраніе законовъ т. LII, 1 № 56909.

[2]) А сенатъ истолковалъ этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что онъ относится только до надѣльнаго имущества, и, притомъ, находящагося въ общинѣ. Что же касается прочаго имущества крестьянъ, т. е. внѣнадѣльнаго и находящагося внѣ общины, то отчужденіе его можетъ быть допускаемо только съ разрѣшенія сената, на общемъ основаніи ст. 277, X, 1. (Сен. рѣш. 4 ф. 83 № 370; 5 янв 84 № 56 и 8 окт. 96 № 2587 у Горемыкина I стр. 99, 104, 105.

[3]) Третье полное собр. зак. XII № 9071.

№ 2, данный на запросъ одного изъ губернскихъ присутствій, о правѣ наслѣдованія въ усадьбѣ членовъ семьи, вышедшихъ изъ послѣдней въ другую семью съ замужествомъ или съ принятіемъ во дворъ.

Сенатская практика также обращается съ обычаемъ свободно. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только обычай не былъ заявленъ сторономъ, сенатъ вопреки началу «jura novit curia» предписываетъ руководствоваться существомъ и свойствомъ правъ, принадлежащихъ крестьянамъ на ихъ надѣльное имущество, и устанавливая подчасъ своеобразную точку зрѣнія на это существо крестьянскихъ правъ, сенатъ предписываетъ руководиться ею и впредь въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто обычая [1]). Иногда же сенатъ прямо готовъ войти въ роль дѣлателя обычнаго крестьянскаго права [2]).

На встрѣчу такому направленію высшей политики пошли, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, и сами крестьянскіе волостные суды. Все чаще и чаще, подъ видомъ обычая, они примѣняютъ положенія общихъ гражданскихъ законовъ. Пахманъ констатируетъ начало сближенія обычая съ общимъ гражданскимъ правопорядкомъ уже для 70-хъ годовъ, опираясь на матеріалы, собранные коммиссіей для изслѣдованія волостныхъ судовъ [3]). Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній 1897 г. отмѣчаетъ тоже явленіе для нашего времени [4]). Объясняется это явленіе недостаткомъ и неудовлетворительностью обычая, естественнымъ подчиненіемъ низшей культуры—высшей, наконецъ, давленіемъ общихъ судовъ и кассаціонныхъ инстанцій, не знающихъ обычая, на волостные суды.

Въ настоящее время голоса противъ обычая раздаются съ новой и безпримѣрной силой. Губернскія совѣщанія уже въ 1897 г. требовали урегулированія нѣкоторыхъ вопросовъ, предоставленныхъ обычаю, точнымъ закономъ, напр. вопроса объ опекѣ. Губернскія совѣщанія настоящаго года, какъ извѣстно изъ періодической прессы, требуютъ полнаго слія̀нія крестьян-

---

1) См. рѣш. гражд. касс. деп. 98 № 71, рѣш. общ. собр. 1, 2 и касс. дет. 98 № 2 и мн. друг.

2) Рѣш. 1 Д. 28 іюля 76 г. № 5712 и мн. друг.

3) Пахманъ. Обычное право въ Россіи, очерки семейнаго права и другіе.

4) Сводъ заключеній губ. совѣщаній т. III отвѣты губ. совѣщаній по вопросу о наслѣдованіи въ подворныхъ участкахъ. См. также Бржескій, стр. 68 и 75.

ства въ правовомъ отношеніи съ прочими классами населенія. Такіе-же голоса раздаются и въ нашей періодической прессѣ.

Такимъ образомъ, передъ государственнымъ дѣятелемъ, работающимъ теперь надъ пересмотромъ законодательства о крестьянахъ, снова выростаетъ таже проблема: чему быть объективной нормой гражданскаго строя нашихъ крестьянъ: обычаю или закону? Въ настоящее время рѣшеніе этого вопроса уже легче. Обычай не оправдалъ надеждъ, возлагавшихся на него, и оставилъ безъ удовлетворенія двѣ важнѣйшихъ соціальныхъ потребности, являющихся прочнѣйшимъ фундаментомъ успѣха гражданственности: потребность законности и объединенія націи въ основахъ гражданскаго строя.

Съ другой стороны, за истекшіе 40 лѣтъ измѣнилась и точка зрѣнія на законодательство. Въ то время, когда совершалась крестьянская реформа, господствовала историческая школа, по воззрѣніямъ которой законодатель призывается исключительно къ собиранію пережитаго правоваго матеріала. Законодатель сводитъ и формулируетъ старыя правовыя идеи. И лучшій для него источникъ—обычай, вытекшій изъ народнаго духа. Въ настоящее время, благодаря успѣхамъ обществовѣдѣнія, когда постигнуты путемъ науки многія тайны соціальныхъ процессовъ, все болѣе завоевываетъ признаніе иная точка зрѣнія на законодателя. Законодатель—не простой антикварій, знающій цѣну только старымъ вещамъ. Онъ художникъ. Имѣя дѣло съ историческимъ матеріаломъ, считаясь съ его свойствами, законодатель властно строитъ общественный порядокъ на будущее время. Отправляясь отъ историческаго сочетанія соціальныхъ силъ, онъ подчиняетъ свой властный рѣзецъ опредѣленной цѣли, ожидаемой въ будущемъ.

Такимъ властнымъ рѣзцемъ является только законъ.

Этотъ законъ необходимо было-бы сдѣлать источникомъ права и для нашего многочисленнаго крестьянства.

## II.

Другую коренную особенность гражданскаго строя крестьянъ составляетъ общій характеръ ихъ субъективнаго права. Въ настоящее время и юриспруденція и культурныя законодательства смотрятъ на субъективное гражданское право какъ на сферу индивидуальной свободы. Эта свобода—дѣло новѣйшаго правообразованія. Она получилась по очищеніи гражданскаго права отъ публично-правовыхъ моментовъ, вчастности—отъ начала правительственной опеки. Въ гражданскомъ правѣ эта свобода называется частной инціативой, въ экономикѣ она называется системой индивидуализма и свободы конкурренціи. Сущность ея заключается въ томъ, что каждой личности предоставляется устраивать свою частную жизнь по своему плану, своимъ талантомъ, за свой страхъ и рискъ. Въ порядкѣ этой самодѣятельности гражданъ въ сферѣ ихъ частныхъ отношеній современный общественный строй хочетъ достигнуть конечныхъ цѣлей общежитія. Индивидуальная свобода царила въ XIX вѣкѣ и привела къ пышному расцвѣту духовныхъ и матеріальныхъ силъ, которыми гордится современное человѣчество. Въ послѣднее время она вызываетъ реакцію противъ себя и получаетъ разные коррективы. Но какъ реакція, такъ и коррективы ея направлены въ иную сторону, чѣмъ вмѣшательство административнаго усмотрѣнія въ частную жизнь отдѣльныхъ гражданъ. Начало индивидуальной свободы воплощено и въ нашемъ общегражданскомъ кодексѣ въ полной мѣрѣ.

Но его нѣтъ въ гражданскомъ правѣ крестьянъ. Составители крестьянскихъ Положеній 61 г. вообще относились къ правительственной опекѣ крайне отрицательно. Не допуская ея никоимъ образомъ для крестьянства, требовали освобожденія отъ нея другихъ слоевъ населенія, чтобы на началѣ свободы самоопредѣленія личности въ сферѣ гражданскихъ отношеній построить всю обновленную жизнь русскаго народа. Мотивомъ служили неприглядныя черты опекающей народъ бюрократіи того времени[1]).

[1]) См. Скребицкій, I, особенно стр. 759 и слѣд.

II Положенія 19 ф. принимаютъ за норму свободу частной иниціативы крестьянъ. Съ этой цѣлью они подчиняютъ гражданскій строй крестьянъ общему гражданскому закону и мѣстнымъ обычаямъ, провозглашаютъ автономію общины, какъ хозяйственной единицы, не стѣсняя ее никакой правительственной опекой въ хозяйственной дѣятельности. Даже въ административной сферѣ они создаютъ самоуправленіе крестьянъ. Началу свободы не противорѣчитъ то, что правительство единовременно обезпечило крестьянъ землею и провозгласило неотчуждаемость надѣла за долги крестьянъ, такъ какъ надѣленіе крестьянъ землею само по себѣ не отражалось на характерѣ субъективнаго права на надѣлъ, а неотчуждаемость извѣстнаго имущественнаго фонда за долги въ настоящее время все болѣе завоевываетъ симпатіи законодателей. Не составляетъ опеки и то, что отчужденіе и сдача въ аренду надѣльныхъ земель допускается только съ разрѣшенія губернскаго присутствія, такъ какъ губернское присутствіе играетъ тутъ роль представителя кредитора—государства при распоряженіи залоговымъ должникомъ—обществомъ обремененными залогомъ имѣніями—надѣломъ.

Къ 90-мъ г.г. начинаютъ обнаруживаться серьезные симптомы разстройства нашей деревни, какъ въ экономическомъ, такъ и въ правовомъ отношеніи.

Одни объясняли это разстройство какъ результатъ обнищенности нашей деревни со времени самаго освобожденія крестьянъ, утверждая, что необходимо улучшить матеріальныя и общекультурныя условія крестьянской жизни; другіе усматривали причину упадка нашей деревни въ недостаткѣ близкой къ народу и опекающей его твердой власти. Послѣднее мнѣніе восторжествовало, и для борьбы съ органическимъ разстройствомъ деревни учреждается опека администраціи надъ крестьянами, простирающаяся и на область ихъ гражданскихъ отношеній.

Положеніе 12 іюля 89 г. создаетъ институтъ земскихъ начальниковъ, призванныхъ опекать на низкихъ началахъ и частно-хозяйственную дѣятельность общины, и частную жизнь крестьянской семьи и даже личности. Не только по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ, но и въ порядкѣ надзора земскій начальникъ призывается разсматривать всѣ мірскіе приговоры; и не только въ случаѣ формальной ихъ неправильности, какъ

было раньше, но и въ случаѣ, когда они покажутся земскому начальнику по существу нежелательными, какъ нарушающіе интересъ общины или права отдѣльныхъ лицъ, онъ представляетъ ихъ къ отмѣнѣ (ст. 31). Отсюда, мірское хозяйство, увольненіе крестьянина изъ сельскаго общества, семейные раздѣлы, отлучки крестьянъ, а вслѣдствіе этого и коренныя права личности, какъ выборъ крестьяниномъ рода жизни и занятія— стали въ зависимость отъ чистаго усмотрѣнія земскаго начальника.

Тринадцать лѣтъ дѣятельности земскихъ начальниковъ не дали ничего положительнаго нашему крестьянству. Косвенное признаніе этого факта со стороны самого законодателя заключается въ рескриптахъ текущаго года, открывающихъ собою новую ревизію крестьянскаго законодательства.

Очевидно, разстройство деревни происходило не отъ недостатка формальной опеки надъ крестьянами, а, дѣйствительно, отъ недостатка матеріальныхъ и общекультурныхъ условій.

Въ настоящее время, когда русское правительство всѣми мѣрами стремится къ тому, чтобы сдѣлать Россію страной мірового промышленно-торговаго оборота, подопечное состояніе главной массы населенія является несвоевременнымъ. Необходимо, упразднивъ опеку, которая ничего не даетъ крестьянамъ и не нужна имъ, и удовлетворивъ настоящимъ ихъ нуждамъ, поставить ихъ подъ общій гражданскій законъ и надѣлить ихъ всей полнотою частной иниціативы, извѣстной нашему общему гражданскому закону.

## III.

Третью характерную особенность гражданскаго права крестьянъ представляетъ строеніе субъекта права, именно соотношеніе индивидуализма и коллективизма въ обладаніи правами. Современное гражданское право знаетъ два вида субъектовъ права: индивида и союзъ. Соотношеніе ихъ мѣняется въ исторіи. Въ древнемъ правѣ союзъ господствуетъ надъ личностью; въ формѣ семьи, общины и т. д. онъ поглощаетъ личность. Новѣйшее право характеризуется развитіемъ индивидуализма, преобладающимъ значеніемъ личности, паденіемъ старыхъ, естественныхъ союзныхъ формъ и возникновеніемъ новыхъ, главнымъ образомъ произвольныхъ союзныхъ образованій,

какъ-то: различныя общества, товарищества, компаніи и т. д. Новые союзы, чаще всего, возникаютъ въ формѣ свободнаго соединенія индивидовъ, носятъ произвольный характеръ. И личность въ нихъ не исчезаетъ, но, сохранивъ свое самостоятельное значеніе въ оборотѣ, она и въ союзѣ занимаетъ строго опредѣленное положеніе. Такъ дѣло обстоитъ и по нашему общему гражданскому праву.

Того-же добивались многіе изъ участниковъ крестьянской реформы [1]).

Положенія 19 ф. не удовлетворили вполнѣ этимъ требованіямъ. Въ виду податнаго свойства крестьянъ, въ интересахъ фиска и въ интересахъ правильнаго поступленія выкупныхъ платежей, Положенія 19 ф. отводятъ міру нѣкоторую власть надъ личностью крестьянина. При правильномъ пониманіи Положеній эта власть оказывается не столь значительной. Но Положенія, благодаря недостатку юридической техники, формулированы такъ неудовлетворительно, что желающіе могли вычитать изъ нихъ и предоставленіе болѣе широкаго воздѣйствія міра на жизнь крестьянъ.

И вотъ въ 90-хъ годахъ на зыбкой почвѣ крестьянскихъ Положеній возникаетъ рѣзкій поворотъ въ сторону господства коллективизма надъ индивидуализмомъ. И этотъ поворотъ получаетъ законодательную санкцію.

Мы позволимъ себѣ теперь нѣсколько подробнѣе остановиться на соотношеніи въ крестьянскомъ правѣ индивида и двухъ важнѣйшихъ союзовъ крестьянскаго быта: общины и семьи, и прослѣдить ихъ судьбы послѣ 61 г.

1. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ вопросъ о томъ, какую форму землевладѣнія слѣдуетъ установить для освобожденныхъ крестьянъ—общинную или индивидуальную—былъ очень спорнымъ [2]). Одни настаивали на индивидуальной собственности, какъ отвѣчающей болѣе высокой сельско-хозяйств. культурѣ, и были противъ общины, какъ формы коммунистической и деспотической. Другіе, особенно славянофилы, защищали общину, какъ исконную и національную форму землевладѣнія, и требовали даже мѣръ, обезпечивающихъ общину отъ разложенія.

---

[1]) Скребицкій, I, стр. 811 и др.

[2]) Семеновъ III, 2 стр. 226 и сл., 288 и сл., 288 и сл .Скребицкій, I, 41 и сл., 357 и сл.

Редакціонные комитеты пошли среднимъ путемъ. Они оставили такія формы землевладѣнія, какія гдѣ существовали, а въ тоже время, принципіально, они открыли выходъ изъ общины отдѣльнымъ ея членамъ и переходъ всей общины къ подворному землевладѣнію. Поступая такъ, редакціонные комитеты хотѣли предоставить самой жизни рѣшить вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія.

Отсюда между прочимъ произошло первое затрудненіе при установленіи существа общины: именно, есть-ли община юридическое лицо или простое товарищество.

Съ одной стороны, мы наблюдаемъ въ нашей общинѣ несомнѣнныя черты юридическаго лица. Община пріобрѣтаетъ землю въ собственность по рѣшенію $^2/_3$ членовъ общины—домохозяевъ, будетъ-ли то надѣльная или внѣнадѣльная земля, и, являясь собственницей такой земли, община распредѣляетъ ее въ пользованіе между членами тоже $^2/_3$ голосовъ. (34 ст. О Пол., 37 и 51 п. 6 cod., примѣч. къ 37 ст. cod. и Пол. о вык. ст. 8 и 34, 77, 82 и 160). Отчуждаетъ землю община тоже большинствомъ голосовъ (Пол. о в. 162). Отдѣльный членъ общины не можетъ указать ни физической, ни отвлеченной доли, принадлежащей ему въ общинной землѣ. Лишь какъ членъ общины онъ имѣетъ членское право участія въ распоряженіи и пользованіи землею. Выходъ его изъ членовъ общины влечетъ утрату этихъ полномочій. И защищаетъ свои права община черезъ представителей, избранныхъ большинствомъ голосовъ на сельскомъ сходѣ (прим. 1 къ ст. 24 О. Пол. и 51 п. 9 и 17 cod.). Все это черты юридическаго лица.

Съ другой-же стороны, въ цѣляхъ свободы перехода отъ общиннаго къ индивидуальному обладанію, Положенія надѣлили общину поневолѣ чертами товарищеской собственности. Именно каждому члену предоставлено право требовать выдѣла изъ общинной въ частную собственность такой доли земли, какая соотвѣтствуетъ его участію въ пріобрѣтеніи общинной земли (ст. 36 О. Пол.), въ дѣйствительности—участію въ пользованіи землею по послѣднему передѣлу [1]).

---

[1]) Рѣш. Сен. 25 Мая 82 № 4545, Рѣш. 2 деп. Сен. 12 Сент. 83 № 2581 и Рѣш. 1-го Общ. Собр. 19 ф. 88 г. и 27 Окт. 89 № 124.

Тамъ, гдѣ должна была остаться и впредь общинная форма землевладѣнія,—составители Положеній 19. ф. хотѣли провести различіе между хозяйственной и административной общиной [1]). Хозяйственная община должна была совпадать съ отдѣльнымъ селомъ, деревней и т. п. и являться частно-правовой корпораціей, хозяйственнымъ союзомъ. Она завѣдуетъ землею, выкупомъ и тѣми гражданско-правовыми отношеніями, которыя связаны съ землею. Вторая, т. е. административная община, должна была совпадать съ волостью, являться публично-правовой корпораціей, и вѣдать административно-полицейскую часть, какъ отрасль государственнаго управленія, напр. исключеніе изъ общества неблагонадежныхъ членовъ, приписку для счета крестьянъ къ волости, судъ, полицію и т. д. Если-бы составители крестьянскихъ Положеній выдержали такое дѣленіе до конца, тогда хозяйственная община была-бы всетаки стройнымъ, цѣльнымъ и простымъ явленіемъ и оцѣнка ея упрощалась-бы. Но редакціонные комитеты не выдержали и этого дѣленія, и на хозяйственную общину возложили административно-полицейскія функціи, какъ призрѣніе, опеку и даже приписку для счета (напр. ст. 143 и слѣд. Об. Пол.). Такъ что, въ концѣ концовъ, въ нашей сельской общинѣ мы имѣемъ двѣ общины: поземельную, которая является частно-правовой хозяйственной корпораціей, и административную, которая является публично-правовой административной корпораціей. Объ эти общины не всегда легко различаются [2]).

Административную общину я оставляю безъ разсмотрѣнія, какъ не касающуюся гражданскаго строя крестьянъ. Что же касается поземельной общины, то она въ своемъ конкретномъ составѣ все еще не представляетъ собою чистой современной частно-правовой корпораціи, а, напротивъ, осложнена цѣлымъ рядомъ элементовъ, логически чуждыхъ ея существу, практически вредныхъ ея правильному функціонированію и лишь исторически, благодаря разнымъ условіямъ, особенно фискальному

---

[1]) Скребицкій. I, 383 и слѣд., особ. 338 и слѣд., 518 и слѣд., 816. Это имѣетъ отзвукъ и въ ст. 17 Об. Пол.

[2]) Вотъ почему нѣкоторые смѣшиваютъ обѣ общины и приписываютъ поземельной общинѣ то, что относится къ административной, напр. Никольскій въ „Новомъ Времени“ №№ 9826—9257. Его ошибку правильно указали Иконовъ въ „Журн. М. Ю.“ Іюнь 1902 и Страховскій въ „Право“, 1902 № 17.

интересу, пріуроченныхъ къ ней. И эти посторонніе общинѣ элементы часто вызываютъ отрицательное отношеніе къ самой общинѣ.

Логически община мыслима какъ произвольный частно-правовой союзъ, который является собственникомъ земли, распредѣляющимъ между членами по извѣстному началу какъ пользованіе землею, такъ и налоги и выкупъ, падающіе на землю. Вступленіе въ эту общину неизбѣжно предполагаетъ согласіе общины. Выходъ изъ нея какъ отказъ отъ гражданскаго права, логически мыслимъ по усмотрѣнію члена, но, конечно, при условіи выполненія извѣстныхъ обязанностей корпоранта. Отношеніе членства логически влечетъ подчиненіе члена общинѣ въ предѣлахъ ея корпоративной автономіи, т. е. надѣльнаго хозяйства на общ. землѣ, безъ всякаго воздѣйствія общины на всѣ прочія стороны жизни корпоранта. Въ такомъ видѣ наша поземельная община могла-бы занять почетное мѣсто въ ряду современныхъ произвольныхъ частно-правныхъ союзовъ; и предоставленная свободному развитію, она могла-бы обнаружить и свои сильныя и слабыя стороны.

Но пока этого нѣтъ, и дѣло съ нашей поземельной общиной обстоитъ совсѣмъ иначе.

При выработкѣ Положеній 61 г. вопросъ о томъ, какъ урегулировать отношеніе общины къ своимъ членамъ, былъ весьма спорнымъ [1]). Съ одной стороны раздавались голоса въ пользу того, чтобы община заступила помѣщика для крестьянъ, и требовали, чтобы она вторгалась во всѣ стороны жизни крестьянина, именно разрѣшала или нѣтъ усыновленіе, хотя-бы послѣднее и не влекло особаго надѣленія усыновляемаго землею,—семейные раздѣлы, даже всякія имущественныя гражданскія сдѣлки, занятіе промысломъ и торговлей, отлучки, образованіе и тѣмъ болѣе выходъ изъ общества. Мотивомъ служила отчасти круговая порука, отчасти вѣра въ благотворное вліяніе міра на отдѣльныхъ крестьянъ.

Съ другой же стороны, нѣкоторые члены настаивали на возможно-полной независимости члена отъ общины и свободѣ выхода изъ общины. Въ частности, настаивали на невмѣша-

[1]) Скребицкій, I, 23, 61 и слѣд., 65 и слѣд., 86 и слѣд.—811 и слѣд., 442, 443 и друг.

тельствѣ общины въ семейныя дѣла крестьянъ, на невмѣшательствѣ и въ имущественныя гражданскія сдѣлки, занятіе торговлей и промыслами, отлучки и выходъ изъ общины. Совѣтовали и опеку изъять изъ вѣдомства общества. Общину оставляли лишь какъ чисто-хозяйственную корпорацію. Противъ круговой поруки возставали. Но даже и при наличности ея совершенно правильно не видѣли основаній къ вмѣшательству общины въ частную жизнь крестьянина, находя, что круговая порука достаточно обезпечена мѣрами взысканія повинностей, предоставленными общинѣ.

Редакціонныя комиссіи пришли и тутъ къ среднее направленіе, не выдержавшее никакого основнаго принципа. Такъ, усыновленіе, когда оно не связано съ надѣленіемъ усыновляемаго землею, какъ чисто семейное дѣло, онѣ предоставили исключительно семьѣ; а семейные раздѣлы поставили подъ контроль общины, оправдывая это круговой порукой и домицилемъ къ міру. Было и еще соображеніе въ пользу подчиненія раздѣловъ контролю общины, это—правильное распредѣленіе между общинниками тягостей дореформенной рекрутской повинности. Въ виду той же круговой поруки общинѣ предоставляется смѣнять домохозяина и учреждать опеку надъ домохозяиномъ, если послѣдній окажется неаккуратнымъ плательщикомъ податей и повинностей. Имущественныя сдѣлки крестьянъ редакціонныя комиссіи предоставили всецѣло усмотрѣнію самихъ членовъ общины, не допуская тутъ вовсе вмѣшательства общества, и мотивируя это тѣмъ, что общественное устройство должно обезпечивать, а не подавлять личность, что сдѣлки—частное дѣло крестьянина, и міра не касаются, а круговая порука и безъ того обезпечена. Равнымъ образомъ, редакціонныя комиссіи предоставили крестьянамъ свободу и самостоятельность въ занятіяхъ промыслами и торговлей и въ отлучкахъ. Выходъ изъ общества крестьянъ редакціонные комитеты сначала открыто провозгласили дѣломъ свободнымъ и независимымъ отъ общества, но потомъ, опасаясь кривотолковъ, открытое предписаніе вычеркнули, не отказавшись отъ него, и оставили только законныя требованія, удовлетворяя которымъ, крестьянинъ свободно выходитъ изъ общины.

Крестьянскія Положенія 61 г. выражаютъ ту же безпринципную точку зрѣнія редакціонныхъ комитетовъ.

Именно, по общему Положенію—которое призвано служить основой спеціальнаго законодательства о крестьянахъ, общинѣ предоставлено вмѣшиваться въ семейную жизнь, разрѣшая или нѣтъ семейные раздѣлы (ст. 51 п. 5), учреждая опеку надъ недѣеспособными (24 ст. прим. 1 и 51 ст. п. 4), надъ недоимщиками и даже смѣнии домохозяина (ст. 187—8). Вмѣшательство общины въ личную жизнь крестьянъ, именно въ избраніе крестьяниномъ рода жизни, занятія, мѣста жительства и даже выходъ изъ общины не допускалось Общимъ Положеніемъ. Общее Положеніе ставило рядъ законныхъ требованій, отчасти объясняемыхъ свойствомъ крестьянъ, какъ членовъ хозяйственной корпораціи, отчасти же разными временными условіями и неоправданными опасеніями; удовлетворяя такимъ законнымъ требованіямъ, крестьянинъ, по Общему Положенію, свободенъ осуществлять означенныя права личности, включая выходъ изъ общины (ст. 29 п. 2, 3, 4; ст. 51 п. 3 въ связи со ст. 132 прим., 134 и 130; ст. 84 п. 8 и 132. Сен. рѣш. 22 іюня 82 № 5576). Тѣмъ болѣе общее положеніе не допускало вмѣшательства общины въ имущественныя сдѣлки крестьянина. Интересъ общины, отвѣчающей по круговой порукѣ за отдѣльныхъ своихъ членовъ, признавался достаточно обезпеченнымъ мѣрами, предоставленными общинѣ при взысканіи недоимокъ (ст. 187 и слѣд.).

Положеніе о выкупѣ, призванное регулировать крестьянскій бытъ лишь временно, впредь до возвращенія казнѣ выкупной ссуды, преслѣдуя исключительно финансовую цѣль, вооружаетъ общину новымъ полномочіемъ вмѣшательства въ жизнь крестьянъ; им. обществу предоставляется разрѣшать или нѣтъ крестьянамъ, не внесшимъ всего выкупнаго долга, выходъ изъ общины, а слѣд., въ извѣстныхъ случаяхъ, избраніе рода жизни и выборъ занятія (172 ст. и слѣд.). Что же касается права на отлучки, то Положеніе о выкупѣ предоставляетъ мировымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ дѣлать распоряженія о воспрещеніи отлучекъ членамъ недоимочныхъ обществъ (129 п. 1), въ противномъ же случаѣ отлучки свободны.

Присматриваясь къ этимъ полномочіямъ общины, мы замѣчаемъ, что всѣ они не имѣютъ ничего общаго съ существомъ общины, какъ частно-правовой хозяйственной корпораціи, что

установлены онѣ главнымъ образомъ въ виду податнаго свойства крестьянъ и въ цѣляхъ правильнаго поступленія выкупныхъ платежей, преслѣдуютъ фискальный интересъ и оправдывались круговою порукой.

Къ 90-мъ гг. роль крестьянъ, какъ податного сословія, падаетъ, выкупная ссуда въ значительной мѣрѣ возвращается, круговая порука остается почти мертвой буквой, такъ какъ почти не примѣняется, а для нѣкоторыхъ общинъ она вовсе отмѣняется. Съ другой же стороны сами крестьянскія общества, какъ показала практика, не пользуются своимъ правомъ вмѣшательства въ жизнь отдѣльныхъ крестьянъ, кромѣ случаевъ, когда они могутъ злоупотребить своей властью и эксплоатировать крестьянъ [1]). Послѣ всего этого можно-бы ожидать еще въ 90-хъ гг. отмѣны всѣхъ указанныхъ полномочій обществъ, какъ ничѣмъ болѣе не оправдываемыхъ и только вредныхъ. А между тѣмъ въ 90-хъ гг. мы наблюдаемъ крутой поворотъ въ сторону усиленія вмѣшательства общины въ частную жизнь крестьянина,—такъ что община начинаетъ играть ту самую роль крѣпостнаго помѣщика, на которой настаивала часть губернскихъ комитетовъ, но въ которой ей открыто было отказано редакціонными комитетами. Поворотъ произошелъ почти одновременно и въ сенатской практикѣ и въ законодательствѣ. Объясняется онъ, повидимому, родственными соображеніями съ тѣми, которыя привели къ учрежденію административной опеки. Раззорившаяся община становилась не аккуратной въ отбываніи повинностей. Чтобы она могла стать аккуратнѣе, ее вооружаютъ новой властью надъ личностью крестьянина. Такое объясненіе даютъ, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующія рѣшенія нашего сената.

Такъ, въ рѣшеніи отъ 10 сентября 1891 г. № 4791 Сенатъ провозглашаетъ: «Сельское общество имѣетъ право вмѣниваться въ хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдѣльными домохозяевами на ихъ надѣльныхъ участкахъ»; такъ какъ—мотивируетъ Сенатъ—общество отвѣчаетъ за членовъ круговой порукой, то оно можетъ слѣдить и за хозяй-

---

[1]) См. Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній. О семейныхъ раздѣлахъ, увольненіи изъ обществъ и друг.

ствомъ отдѣльныхъ членовъ, (напр. чтобы послѣдніе не истощали почвы посѣвомъ картофеля). Въ рѣшеніи 12 ноября 91 № 6484 Сенатъ, по тѣмъ-же мотивамъ, идетъ еще дальше: «Сельское общество можетъ воспретить членамъ такое отчужденіе принадлежащаго имъ имущества, которое не вызывается разумной потребностью и можетъ впослѣдствіи привести общество къ необходимости платить по круговой порукѣ недоимки за сихъ членовъ или даже содержать ихъ семейства». А въ рѣшеніи 4 окт. 91 № 5447 Сенатъ, вдохновленный тою-же идеей, провозглашаетъ уже совсѣмъ непонятное начало: «Сельскій міръ имѣетъ право запретить отдѣльнымъ крестьянамъ наниматься на работу за ту плату, которую они сами согласны были-бы взять съ нанимателя, и вообще міръ имѣетъ право постановлять приговоры по всѣмъ дѣламъ, отъ рѣшенія коихъ въ томъ или иномъ смыслѣ можетъ зависѣть степень благосостоянія сельскаго общества, а слѣдовательно и отдѣльныхъ членовъ [1]).

Положеніе о паспортахъ 3 іюня 1894 г. даетъ обществу новое право вмѣшательства въ жизнь крестьянъ, именно право разрѣшать или нѣтъ отлучки недоимочныхъ крестьянъ по паспортнымъ книжкамъ (14 ст. пол.) и возобновленіе имъ кратковременныхъ видовъ на жительство на новые сроки. Этотъ законъ въ свою очередь возстановляетъ домогательства извѣстной части губернскихъ комитетовъ и отдаетъ крестьянъ, основавшихъ какое либо дѣло на сторонѣ, въ руки чистаго произвола міра.

Законъ 18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ обязываетъ общину, привившую правильную точку зрѣнія на раздѣлы, какъ чисто семейное дѣло, контролировать раздѣлы и устанавливаетъ уже точныя руководящія начала для контроля. Такъ что, право общины, предоставленное ей въ виду ея отвѣтственности по круговой порукѣ, превращается въ обязанность.

Законъ 14 декабря 1893 г. отдаетъ на волю общества выдѣлъ крестьянину надѣла, уже выкупленнаго крестьяниномъ, и этимъ затягиваетъ безъ нужды подчиненное положеніе крестьянина-общинника. Только законъ 8 іюня 93 г. о передѣлахъ мір-

---

[1]) Послѣднее рѣшеніе заимствую у Никольскаго; Новое Время 902 г. № 9349; первыя же у Горемыкина.

ской земли ограничиваетъ произволъ міра и вноситъ точную и справедливую регламентацію въ отношенія міра къ его членамъ по столь важному вопросу.

Если мы теперь оглянемся назадъ на все изложенное о чужеродныхъ общинѣ элементахъ, отзывающихся феодализмомъ и коммунистическимъ коллективизмомъ и внесенныхъ въ организацію нашей общины главнымъ образомъ въ фискальномъ интересѣ, не оправдываемыхъ никакими строго-правовыми цѣлями, противорѣчащихъ, напротивъ, кореннымъ началамъ современнаго культурнаго правосознанія, то мы съ необходимостью придемъ къ выводу, что въ высшей степени желательно всѣ эти моменты нашей общины устранить изъ крестьянскихъ Положеній; община-же какъ частно-правовая хозяйственная корпорація могла-бы быть предоставлена своему естественному росту, не стѣсняемому никакими искусственными мѣрами, все равно, будутъ ли послѣдніе клониться къ покровительству или къ разрушенію общины.

2. Современная общегражданская семья служитъ задачѣ продолженія потомства и образуетъ тѣснѣйшій союзъ, состоящій изъ отца, матери и дѣтей. Въ гражданскомъ правѣ это строеніе семьи выражается въ институтѣ алиментовъ, въ процессѣ—въ освобожденіи ближайшихъ родственниковъ отъ свидѣтельства по дѣлу родственника и т. д. Въ имущественномъ отношеніи современная семья не образуетъ самостоятельнаго юридическаго лица. Имущество принадлежитъ и можетъ принадлежать каждому изъ ея членовъ въ отдѣльности. Дѣти, съ достиженіемъ совершеннолѣтія, самостоятельны и могутъ начать отдѣльную свою жизнь за свой страхъ и рискъ. Нравственный элементъ считается настолько существеннымъ для современной семьи, что тамъ, гдѣ онъ исчезаетъ, современный законодатель все болѣе облегчаетъ членамъ семьи прекращеніе совмѣстной жизни.

Совершенно иными чертами характеризуется крестьянская семья.

При обработкѣ Положеній о крестьянахъ нѣкоторые губернскіе комитеты, особенно Тульскій, предлагали фиксировать закономъ тотъ строй семьи, который представлялся освященнымъ обычаемъ. Во главѣ семьи стоитъ старшій ея членъ, хотя-бы это и не былъ родитель; патріархальная семья является скорѣе экономической ассоціаціей, нежели тѣснымъ семейнымъ союзомъ;

эта ассоціація поглощаетъ своихъ членовъ, никто въ ней не имѣетъ особаго имущества; все имущество семейное; глава семьи является единственнымъ управителемъ семейнаго имущества. Раздѣлы семейные допускаются только по мірскому приговору, при условіи многочисленности семьи и достаточности средствъ для веденія хозяйства послѣ раздѣла.—Большинство же губернскихъ комитетовъ стояло за подчиненіе крестьянской семьи общему закону. А нѣкоторые возставали противъ стѣсненія семейныхъ раздѣловъ, признавая вполнѣ законнымъ и естественнымъ стремленіе свободной личности къ основанію собственнаго семейнаго очага и хозяйства.—Редакціонные комитеты стояли за подчиненіе семьи закону, но допускали и обычай, особенно пока крестьяне живутъ патріархальной жизнью и особенно въ вопросахъ о главѣ семейства и раздѣлахъ [1]). Идея редакціонныхъ комитетовъ выражена и крестьянскими положеніями [2]). Обычай скоро обнаружилъ стремленіе крестьянской семьи къ ассимиляціи съ общегражданской семьею, какъ это свидѣтельствуетъ Нахманъ, на основаніи обработки рѣшеній волостныхъ судовъ, собранныхъ еще въ 1873 году особой комиссіей. Такимъ образомъ, при равенствѣ прочихъ условій къ настоящему времени мы могли-бы ожидать полнаго сходства крестьянскаго и общаго права по этому коренному вопросу.

Но этого нѣтъ, и вотъ по какимъ причинамъ. Общее Положеніе 61 г., кромѣ того, что оно подчиняетъ крестьянскую семью общему гражданскому закону и обычаю, содержитъ еще нѣсколько отрывочныхъ намековъ, относящихся до положенія крестьянской семьи, не проведенныхъ послѣдовательно, не согласованныхъ съ общими тѣми началами, не бывшихъ даже предметомъ обсужденія въ редакціонныхъ комиссіяхъ, и являющихся технически несовершеннымъ выраженіемъ того же фискальнаго интереса, который такъ много повредилъ крестьянской реформѣ. Именно ст. 188 Об. Пол. и 127 Пол. о вык., перечисляющія мѣры взысканія платежей и повинностей съ крестьянъ, предоставляютъ крестьянскому обществу право «отдавать самого недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ заработки» (п. 2) и далѣе, «вмѣсто неисправнаго хозяина назначать старшимъ въ

[1]) Семеновъ II 219 и сл. Скребицкій, I, 14—18, 25—26.
[2]) Общ. Пол. ст. 21 и 107.

домѣ другаго члена той же семьи» (п. 3). Такимъ образомъ, въ этихъ отрывочныхъ замѣчаніяхъ мы встрѣчаемъ какъ будто намёкъ на иную организацію крестьянской семьи, чѣмъ та, которую знаетъ общій законъ. Тутъ домохозяинъ можетъ быть смѣщенъ и къ управленію имуществомъ можетъ быть привлеченъ другой членъ семьи; далѣе, всѣ члены семьи являются отвѣтственными за повинности, лежащія на семьѣ. Имущество семьи является общимъ достояніемъ всей крестьянской семьи. Послѣдняя является какъ будто юридическимъ лицомъ. Смущаетъ и неточная терминологія крестьянскихъ положеній. То они говорятъ о крестьянинѣ, его личной собственности, то о домохозяинѣ, дворѣ и семейномъ надѣлѣ.

Первое время по освобожденіи крестьянъ практика игнорировала намеки Положеній объ особомъ строѣ крестьянской семьи, какъ корпораціи, и стояла на общегражданской точкѣ зрѣнія на крестьянскую семью. И если иногда имущество признается обще-семейнымъ, то не на корпоративномъ началѣ, а на началѣ общей собственности (при сложной семьѣ). Да и самъ законодатель былъ того же взгляда. Выкупленный поземельный надѣлъ признавался личной собственностью крестьянина, поступающей въ общегражданскій оборотъ на общемъ основаніи [1]). Мысль же о домохозяинѣ, какъ домовладыкѣ, имѣющемъ личную власть надъ всѣми прочими членами семьи, независимо отъ того, будетъ-ли онъ родителемъ или нѣтъ, въ то время едва-ли даже могла возникнуть, такъ какъ Общее Положеніе 61 г. дастъ открыто личную власть надъ членами семьи только родителямъ (ст. 130 п. 6). Да иначе трудно было и понять Положенія, которыя все же пытались установить основанія свободной гражданской жизни крестьянъ, а не сводить все безъ остатка, даже институтъ семьи, къ правильному отбыванію податей и повинностей.

Но въ 90-хъ гг. и во взглядѣ на крестьянскую семью происходитъ рѣшительная перемѣна. Начало перемѣнѣ положилъ законъ 18 марта 86 г. о семейныхъ раздѣлахъ. Этотъ законъ

---

[1]) Рѣш. 1 Деп. Сен. 20 мая 75 № 3889, 16 апр. 79 № 3523 и мн. др.—Цирк. М. Вн. Д. 23 февр. 69, 12 мар. 76.—Мн. Гос. Сов. 21 мар. 78: О порядкѣ снятія запрещеній, наложенныхъ по выкупн. ссудамъ. Отчасти законъ 1 февр. 77 г. о порядкѣ отчужденія имущества малолѣтнихъ.

былъ произведеніемъ знаменитаго Министра Вн. Дѣлъ графа Толстаго, задавшагося цѣлью воскресить крѣпостную многотягольную семью, будто-бы выгодную въ экономическомъ и податномъ отношеніи. Задача была несвоевременной и въ Госуд. Совѣтѣ прямой представитель экономическаго и податнаго интереса Министръ Фин. Бунге выступилъ горячимъ противникомъ Толстаго, доказывая, что многотягольныя семьи, при внутреннемъ разладѣ, являются худшими экономическими единицами и худшими плательщицами повинностей, чѣмъ малыя, но цѣльныя и сильныя единодушіемъ семьи [1]).

Бунге горячо поддерживалъ и членъ гос. сов. Галаганъ, указывая, что проектъ хочетъ принести въ жертву сомнительнымъ экономическимъ выгодамъ коренныя права свободной личности. Однако, Толстой восторжествовалъ, и законъ 18 марта положилъ основаніе феодальной семьѣ, съ семейнымъ имуществомъ (надѣлъ), съ главою и представителемъ семьи—домохозяиномъ (старшій членъ, кто-бы онъ ни былъ: отецъ, дѣдъ, вотчимъ, дядя, старшій братъ). Этотъ домохозяинъ самовластно и единолично распоряжается семейнымъ имуществомъ и имѣетъ власть надъ членами семьи, какого-бы возраста они ни были. Раздѣлъ семьи не можетъ имѣть мѣста безъ согласія домохозяина. Только когда послѣдній злоупотребляетъ властью, міръ и земскій начальникъ своей властью восполняютъ власть домохозяина. Всеже такая семья ограничивается надѣльнымъ имуществомъ; внѣнадѣльное имущество составляетъ собственность отдѣльныхъ членовъ семьи. Далѣе, эта семья имѣетъ значеніе собственно только въ отношеніи отбыванія повинностей, т. е. она только фискальная организація. Но если по своему назначенію она является только фискальнымъ аппаратомъ, то по своимъ послѣдствіямъ она получаетъ всестороннее значеніе для жизни крестьянина.

Положеніе о паспортахъ 1894 г. вооружаетъ домохозяина властью давать или нѣтъ согласіе на отлучки членовъ семьи и, не стѣсняясь даннымъ согласіемъ, въ любой моментъ истребовать члена семьи черезъ полицію обратно въ семью.

А постепенно устанавливается взглядъ и на то, что домохозяинъ (а не родитель только) даетъ свое согласіе и на увольненіе члена семьи изъ общества.

[1]) См. у Бржескаго, Очерки юрид. быта крестьянъ стр. 114 и слѣд.

Законъ 18 марта распространялся только на крестьянъ, живущихъ общинами. Для крестьянъ же съ подворнымъ землевладѣніемъ таже идея была провозглашена Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Сов. по дѣлу Армоласа. Дѣло это сначала слушалось въ сенатѣ и тамъ возникъ вопросъ, составляетъ-ли надѣлъ общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства, или же только собственность отдѣльныхъ членовъ послѣдняго. Мнѣнія сенаторовъ разошлись. 9 голосовъ высказывались въ духѣ уже установившейся практики, т. е. за личную собственность домохозяина; 5 голосовъ дали крайне сбивчивый, нерѣшительный отвѣтъ; Министръ Юстиціи Манассеинъ, а за нимъ и два сенатора высказали новый взглядъ на надѣлъ и семейство, ссылаясь отчасти на указанныя выше недомолвки Положеній 19 ф., отчасти же на термины, попадающіеся въ Положеніи, какъ-то: «домохозяинъ», «семейство»; терминъ же «личная собственность», тоже встрѣчающійся въ Положеніи, министръ толковалъ «какъ личную собственность юридическаго лица семейства, лишь представляемаго домохозяиномъ». Это было уже натяжкой, т. к. въ Положеніяхъ вездѣ личная собственность означаетъ индивидуальную и противополагается корпоративной (общинной) собственности. Такъ какъ большинство не составилось въ сенатѣ, то дѣло перешло въ государственный совѣтъ, гдѣ министру посчастливилось. И 4 января 88 г. вышло Выс. утв. Мнѣніе Гос. Сов. по дѣлу Ф. Армоласа, гласящее: «При подворномъ владѣніи усадебный и полевой надѣлъ составляетъ общую собственность всего крестьянскаго двора или семейства, а не личную собственность отдѣльныхъ членовъ онаго. Старшій членъ семьи, домохозяинъ является лишь представителемъ двора передъ сельскимъ обществомъ и правительствомъ». Съ этого времени и въ сенатской практикѣ наблюдается крутой поворотъ, и сенатъ создастъ цѣлымъ рядомъ рѣшеній новую законченную теорію крестьянской семьи.

Крестьянская семья есть рабочая ассоціація въ формѣ юридическаго лица. Представитель этого юридическаго лица, органъ его есть домохозяинъ. Домохозяинъ—старшій членъ семьи, кто-бы такимъ ни оказался: родитель, дяди, вотчимъ, даже братъ. Этотъ домохозяинъ распоряжается семейнымъ имуществомъ единолично и самовластно, безъ всякаго согласія съ прочими членами семьи,

пока онъ не злоупотребляетъ властью. Онъ же представляетъ семью и передъ правительствомъ и обществомъ, по отбытію повинностей. Но имущественными отношеніями его власть не ограничивается. Онъ властвуетъ и надъ личностью членовъ семьи. Онъ даетъ или нѣтъ свое согласіе на отлучку члена семьи, на раздѣлъ семьи, на выходъ члена семьи изъ общества. Онъ, такимъ образомъ, имѣетъ рѣшительный голосъ во всѣхъ вопросахъ, рѣшающихъ личную судьбу членовъ семьи, какъ то вопросѣ о выборѣ занятія, мѣста жительства и профессіи подвластныхъ членовъ[1]).

Новая форма семьи прежде всего стала въ непримиримое противорѣчіе съ крестьянскими Положеніями 61 г. Напр. общее Положеніе (ст. 38) знаетъ наслѣдованіе въ надѣльномъ имуществѣ крестьянъ, а новая семья исключаетъ самую идею такого наслѣдованія. Далѣе, вызванная къ жизни силой административнаго вліянія Министра и имѣвшая цѣлью не удовлетвореніе законныхъ стремленій и потребностей свободной личности, а превращеніе института семьи въ промышленное предпріятіе, новая форма семьи и на практикѣ встрѣтила упорное сопротивленіе народныхъ воззрѣній и осталась мертвой буквой. Народъ не принялъ ея; цѣной жертвъ, которыми законъ 18 марта грозитъ крестьянамъ, они продолжаютъ дѣлиться и основывать естественныя семьи[2]).

И близкая къ народу власть осудила законъ единодушно. Заключенія губернскихъ совѣщаній 1897 г. съ рѣдкимъ единодушіемъ заявляютъ, что нашъ простой народъ переживаетъ ту же фазу разложенія родоваго строя и развитія личности, которая по законамъ эволюціи человѣческихъ обществъ пережита всѣми культурными народами. Остановить этотъ міровой культурный процессъ невозможно и не должно.

Дѣйствительно, новая форма семьи не хочетъ считаться съ самыми святыми потребностями свободной человѣческой личности, какъ своя инициатива, свои понятія и дорованія, свой самостоятельный жизненный путь.

---

[1]) Рѣш. сен. 3 мр. 92 № 1392. Рѣш граж. касс. д. 84 № 67, 93 № 91 94 № 88; общ. собр. 1, 2 и касс. д. 92 № 33, 41; 95 № 45, 94 № 137; 97 № 29, 98 № 2; 8 февр 99 и мн др.

[2]) См. Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній 1897 г. т. II Заключенія о семейныхъ раздѣлахъ.

Сама по себѣ уже не отвѣчая современному состоянію культуры нашихъ крестьянъ, тяготѣющихъ къ общимъ формамъ гражданскаго быта, новая форма семьи создаетъ рядъ условій для эксплоатаціи и гнета со стороны, ничѣмъ нравственно не связаннаго со своими подвластными, главы семейства. Если-бы послѣднимъ былъ родитель, онъ могъ-бы, руководясь естественнымъ чувствомъ любви и заботами о своихъ дѣтяхъ, проявлять свою власть къ благу подвластныхъ. Но „домохозяиномъ" можетъ быть и часто бываетъ, особенно при воспрещеніи семейныхъ раздѣловъ, вовсе не родитель, а „дядя, вотчимъ, старшій братъ и т. д. Эти лица больше заботятся о себѣ и своихъ дѣтяхъ, чѣмъ о прочихъ членахъ подвластнаго имъ семейства. На этой почвѣ въ крестьянской средѣ совершаются „драмы, доходящія время отъ времени „до сената, рѣже „до печати, а чаще всего „до уголовнаго суда и разрѣшающіяся иногда каторжными работами! [1])

Институтъ фискальной семьи, чуждый понятіямъ народа, оставшійся мертвой буквой, желательно устранить изъ крестьянскаго законодательства.

3. Послѣ всего сказаннаго, что же остается личности въ крестьянской средѣ, все болѣе вовлекаемой въ общегражданскій оборотъ, покоющійся на началѣ личной инициативы? Опутанной двойнымъ кольцомъ подавляющаго ее коллективизма, опекаемой сверхъ того еще административной властью,— крестьянской личности не остается въ сферѣ надѣльнаго хозяйства никакой инициативы. Она могла-бы „добиться чего-нибудь, только воздѣйствуя силой убѣжденія на двойной рядъ союзовъ: семьи и общины. Но послѣднія защищены отъ всякаго разумнаго довода непроницаемой бронею невѣжества и инертности. И вотъ сколько-нибудь чуткій и одаренный крестьянинъ пытается бѣжать вонъ изъ семьи и общины или начать „дѣятельность внѣ надѣла.

Но въ первомъ случаѣ онъ покупаетъ свою самостоятельность дорогой цѣною. Онъ долженъ отказаться отъ надѣла, въ значительной части уже выкупленнаго имъ, и сверхъ того еще — „добиться правдами и неправдами согласія домовладыки и обще-

[1]) См. Новиковъ, Записки земскаго начальника. (Русск. Богатство за 1900, № 10, Раздѣлъ).

ства; его домогательство не должно противорѣчить и воззрѣніямъ земскаго начальника на пользы и нужды деревни. Во второмъ же случаѣ крестьянинъ, если только за нимъ числится недоимка (а теперь всѣ—недоимщики), при всякой перемѣнѣ паспорта долженъ пройти означенныя инстанціи. Въ случаѣ же, если его дѣло не увѣнчается окончательнымъ успѣхомъ, онъ можетъ быть высланъ, какъ безпаспортный, изъ мѣста нахожденія своего хозяйственнаго предпріятія въ мѣсто приписки. (Пол. о видахъ на жит. 94 г. ст. 19, 44, 60, 27—28). Впрочемъ, домохозяинъ можетъ черезъ полицію истребовать члена своего семейства даже до истеченія срока паспортной книжки, на выдачу которой онъ своевременно далъ свое согласіе (ст. 55 cod.).

Жизнь крестьянъ Московскаго района, имѣющихъ предпріятія въ столицѣ, и жизнь крестьянъ тѣхъ губерній, въ которыхъ развиты отхожіе промыслы, какъ, напр., Ярославской, Владимірской и т. п., даетъ множество самыхъ драматическихъ иллюстрацій того, какъ выражается на практикѣ власть общины и домовладыки надъ предпріимчивыми крестьянами.

## IV.

Слѣдующую особенность гражданскаго строя нашихъ крестьянъ представляетъ собою особый спеціальный комплексъ крестьянскаго имущества, извѣстный подъ именемъ надѣла, неоднократно затронутый нами выше, играющій рѣшительную роль въ правовомъ положеніи нашихъ крестьянъ; именно, являющійся той полосою земли, къ которой въ самый моментъ освобожденія отъ крѣпости помѣщику крестьянинъ былъ извѣстнымъ образомъ снова прикрѣпленъ.

Терминъ «надѣлъ» примѣняется Положеніями одинаково какъ къ выкупленному, такъ и невыкупленному надѣлу, какъ къ надѣлу, пріобрѣтенному съ пособіемъ отъ правительства, такъ и къ надѣлу, пріобрѣтенному безъ пособія правительства, и даже къ дарственному. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ того, когда надѣлъ пріобрѣтенъ съ пособіемъ отъ правительства и еще не выкупленъ, онъ третируется правомъ свободно, и составляетъ такую же собственность крестьянъ, какъ всякое и внѣнадѣльное

ихъ имущество (Об. пол. ст. 37 въ связи съ 11, 12, 33—36); отличіе такого надѣла отъ прочаго имущества заключается только въ томъ, что онъ не подлежитъ принудительному отчужденію за частные долги крестьянина, (Об. Пол. ст. 24 прим. 3 и Прилож.), такъ какъ является фондомъ для расплаты по податямъ и повинностямъ.

Особенное же положеніе и особенный интересъ представляетъ надѣлъ, пріобрѣтенный крестьянами въ собственность при содѣйствіи правительства и еще не выкупленный. Это—и самый распространенный видъ надѣла. Интересенъ этотъ послѣдній видъ надѣла юридическимъ строеніемъ выкупной операціи. Правительство давало на пріобрѣтеніе надѣла отъ помѣщика ссуду; крестьяне, благодаря этой ссудѣ, пріобрѣтали надѣлъ въ собственность (ст. 27, 34, 37, 156 и друг. Пол. о выкупѣ); а правительство, въ моментъ пріобрѣтенія надѣла въ собственность крестьянъ, устанавливало на этотъ надѣлъ запрещеніе (Пол. о в. ст. 107). Это запрещеніе является формой залога (Пол. о в. ст. 4, 27). Сверхъ запрещенія—залога правительство установило личное привиллегированное обязательство общины по уплатѣ выкупа (Пол. о в. ст. 126). Наконецъ, правительство установило неограниченную субсидіарную и солидарную отвѣтственность членовъ общины за долги послѣдней, т. е. круговую поруку. Такимъ образомъ, государство-кредиторъ воспользовалось сильнѣйшими гражданскими средствами для обезпеченія возврата выкупной ссуды. Мало того, на нѣкоторыхъ изъ средствъ, напр., круговой порукѣ, оно съ той же цѣлью построило еще систему стѣсненій гражданской свободы крестьянъ.

Между тѣмъ, государство могло-бы тогда уже организовать выкупъ на болѣе льготныхъ для крестьянъ условіяхъ, и вѣроятно въ концѣ концовъ съ большей выгодой для себя. Прежде всего оно могло-бы, даже сохраняя круговую поруку, не давать общинѣ власти надъ ея членами, оправдываемой теперь круговою порукой, такъ какъ изъ солидарной отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ за долгъ другого (круговая порука) логически вовсе не слѣдуетъ установленія контроля солидарно отвѣтственныхъ лицъ другъ надъ другомъ.

Еще лучше было-бы, если-бы правительство не устанавливало вовсе круговой поруки, какъ этого многіе и требовали въ

редакціонныхъ комиссіяхъ. Тогда исчезъ-бы всякій поводъ для установленія чрезмѣрной власти общины надъ членами.

А если-бы оцѣнка земли отвѣчала всегда достоинствамъ послѣдней, то выкупную операцію можно было-бы построить даже на началѣ вотчиннаго долга, безъ всякаго личнаго обязательства крестьянъ за выкупной долгъ, такъ какъ выкупная ссуда, равная всего только 80% оцѣночной стоимости земли, вполнѣ обезпечивалась-бы цѣнностью послѣдней. При такой организаціи выкупа можно было-бы упразднить всякія стѣсненія выхода крестьянъ изъ общины, а не только власть послѣдней надъ крестьянами, не вытекающую изъ строенія общины, какъ частноправной корпораціи. Но прошлаго не вернуть. Можно говорить только о настоящемъ. Теперь-же на практикѣ круговая порука почти не примѣняется; ея роль сводится въ сущности къ тому, что она служитъ мотивомъ разнаго рода ограниченій гражданской свободы крестьянъ. Самъ законодатель издавна и систематически ограничиваетъ дѣйствіе круговой поруки. Такъ 14 февраля 1866 г. Выс. утв. Пол. Главн. Ком. по крестьян. дѣламъ освобождаетъ отъ круговой поруки крестьянъ, сдѣлавшихъ паданоцій на нихъ взносъ выкупныхъ платежей. Выс. утв. Пол. Гл. Ком. 27 іюня 68 г. освобождаетъ отъ круговой поруки селенія, въ коихъ числится менѣе 41 души мужескаго пола. Законъ 23 іюня 1899 г. отмѣняетъ круговую поруку въ селеніяхъ съ участковымъ или подворнымъ землепользованіемъ. Наконецъ, въ настоящее время и выкупные платежи въ главной своей части покрыты. Такъ что, теперь представляется полная возможность передѣлать къ облегченію крестьянъ организацію выкупа, отмѣнивъ круговую поруку и даже личное обязательство общины по выкупу и построивъ выкупъ на началѣ вотчиннаго долга. Тогда падаетъ сама собою круговая порука, за нею—всякая власть общины надъ своими членами, власть домохозяевъ—надъ членами семействъ; падаютъ основанія стѣсненій при выходѣ изъ общества, отлучкахъ и т. д., такъ какъ бремя выкупа ложится на землю и данныхъ ея обладателей. Община превращается въ обыкновенную гражданско-правовую корпорацію, семья—въ общегражданскую семью. И личность получаетъ тогда всю полноту частной инициативы, столь необходимую въ условіяхъ нашего времени.

## V.

Послѣднюю крупную особенность гражданскаго строя крестьянъ представляетъ организація защиты гражданскихъ правъ крестьянъ.

Матеріальное гражданское право можетъ быть совершеннымъ, и всетаки законность и гражданскій успѣхъ можетъ быть въ плачевномъ состояніи, если государственный аппаратъ, призванный осуществлять право и давать ему защиту, т. е. судъ будетъ организованъ на неудовлетворительныхъ началахъ. И наоборотъ, плохой гражданскій кодексъ, въ рукахъ хорошо организованнаго суда, не дастъ гражданамъ чувствовать своихъ недостатковъ. Эта истина объяснитъ намъ, почему въ странахъ, съ хорошо организованнымъ судомъ, послѣднему ввѣряется колоссальная власть въ порядкѣ судебной практики творить право и развивать послѣднее въ примѣненіи къ измѣняющимся условіямъ. Германское уложеніе предоставляетъ суду огромную власть наполнять общія предписанія кодекса содержаніемъ, въ зависимости отъ перемѣны общественнаго воззрѣнія на право и справедливость. Нашъ общій судъ, послѣ удачной организаціи его Уставами 64 г., дѣлаетъ сноснымъ существованіе по устарѣлому и несовершенному нашему гражданскому закону.

Посмотримъ, какъ эта важная сторона правовой жизни разрѣшена у крестьянъ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ вопросъ объ организаціи суда вызывалъ оживленные споры[1]). Нѣкоторые дѣятели были рѣшительно противъ того волостнаго суда, который былъ намѣченъ проектомъ Положеній и сталъ потомъ совершившимся фактомъ. «Волостной судъ—это пристрастный судъ, это судъ сосѣдей, сособственниковъ. Пусть имъ пользуется, кто хочетъ; но дѣлать его обязательнымъ опасно». По крайней мѣрѣ, требовали института обжалованія его рѣшеній. Но предпочитали подчиненіе крестьянъ общему суду, реформа котораго становилась тогда на очередь. Редакціонныя комиссіи всеже высказались за волостной судъ: онъ будетъ знать обы-

[1]) Скребицкій, I, 78, 409, 528, и др

чаи, которыхъ общіе суды не знаютъ; что же касается гарантій правосудія, то, по мнѣнію редакціонныхъ комиссій, таковыя гарантіи даются тѣмъ, что судьи будутъ избираться самими крестьянами изъ наиболѣе почтенныхъ крестьянъ, а комиссіи глубоко вѣрили въ здравый смыслъ и нравственную цѣльность народа.

И вотъ для всѣхъ дѣлъ, не выходящихъ изъ рамокъ повседневнаго деревенскаго обихода, вводится волостной судъ. Въ основу его организаціи полагается отдѣленіе его отъ администраціи, возможное устраненіе вліянія сельской канцеляріи на крестьянъ судей, уничтоженіе всякихъ судебныхъ инстанцій въ предѣлахъ волостной единицы. Въ дѣйствительности, было достигнуто только это третье, первыя же два условія фактически не осуществились. Волостной старшина, а особенно писарь въ дѣйствительности оказывали всяческое давленіе на волостной судъ. Но что было особенно несовершенно въ этомъ судѣ, такъ это полное отсутствіе гарантій правосудія. Волостной судъ не былъ стѣсненъ никакими формами производства; для него не былъ писанъ и никакой законъ. Онъ судилъ и разбиралъ дѣла во всѣхъ отношеніяхъ такъ, какъ ему угодно. И этотъ судъ былъ единственной судебной инстанціей. По идеѣ Положеній, его рѣшенія окончательны и не подлежатъ пересмотру ни въ апелляціонномъ, ни даже въ кассаціонномъ порядкѣ. Понятно, что такой судъ не могъ быть проводникомъ правды и законности, а явился пристанищемъ всяческихъ домогательствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ правосудіемъ.

Уже 14 февр. 66 г. Выс. утв. Пол. Гл. Ком. вводитъ кассаціонную инстанцію надъ волостными судами, им. уѣздное присутствіе. Но и это не улучшило дѣла. Въ связи со введеніемъ института земскихъ начальниковъ предпринимается и реформа волостнаго суда. Компетенція его расширяется. Повышаются требованія къ личнымъ свойствамъ судей. Нѣсколько точнѣе регулируются формы производства. Создается порядокъ инстанцій. Но сущность оттого не измѣняется. Министерство Вн. Дѣлъ въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ разъясняетъ, что волостной судъ по прежнему не связанъ ни формами производства, ни источниками права; (Цирк. М. Вн. Д. 12 окт. 91 № 41, 30 сент. 92 г. № 47, 1 дек. 92 № 56); но теперь законодатель уже отказы-

вается отъ принципа отдѣленія суда отъ администраціи, отводя административному органу - земскому начальнику значительный просторъ усмотрѣнія какъ въ дѣлѣ общаго воздѣйствія на волостной судъ, такъ и въ дѣлѣ передачи рѣшеній волостного суда на пересмотръ уѣздныхъ съѣздовъ.

Съ подчиненіемъ крестьянъ точному общему закону необходимо было-бы подчинить ихъ и правильно организованному общему суду.

Въ заключеніе будетъ кстати припомнить слова, высказанныя однимъ изъ дѣятелей освободительной эпохи, Унковскимъ въ крестьянской редакціонной комиссіи. Крестьянскій вопросъ, говорилъ Унковскій, является самымъ важнымъ и самымъ сложнымъ вопросомъ нашей внутренней жизни. Разрѣшить его одинокими силами правительства невозможно. Необходимо привлечь къ его рѣшенію силы науки.

Пожелаемъ же, г.г., чтобы чествуемая нами сегодня наука, проливая свѣтъ на запутанный крестьянскій вопросъ, содѣйствовала его скорѣйшему и благополучному разрѣшенію!